

Григорий Утгоф
(Таллинн)

«ПОДВИГ» В. НАБОКОВА-СИРИНА

Комментарий к комментарию

Статья дополняет комментарий к роману «Подвиг», написанный А. А. Долининым и Г. М. Утгофом [6]. Некоторые ошибки, вкрапившиеся в комментарий, в этой статье исправлены; также статья содержит некоторые дополнения к комментарию (в том числе — указание на возможный источник вымышленного топонима «Зоорландия»).

Ключевые слова: Русская литература XX в., В. Набоков-Сирин, «Подвиг» (“Glory”), комментарий.

The present article elaborates the annotations to *Podvig* co-authored by Alexander Dolinin and Grigori Utgof (2000). It is aimed at providing the reader with corrections of factual mistakes, and includes some additions, e. g. the addition concerning a likely source of the fictional toponym «Zoorland.»

Key words: Russian 20th Century Literature, Vladimir Nabokov, *Podvig* (Glory), Annotations.

По свидетельству Брайана Бойда, в бумагах В. В. Набокова-Сирина сохранилась рукопись неопубликованного рассказа об эмигранте, который переходит советскую границу, переодевшись крестьянином, и возвращается назад, «тайно торжествуя свою победу» [2, с. 307; ср.: 20, р. 261; см. также: 20, р. 563; ср.: 2, с. 646]. Рассказ этот, подписанный псевдонимом «Василий Шалфеев», относится к 1926 г. и представляет собой первый подступ к аналогичному замыслу, получившему воплощение в «Подвиге».

В предисловии к английской редакции романа Набоков-Сирин отметил, что «Подвиг» «was began in May 1930, immediately after [his] writing *Soglyadatay*, and completed by the end of that year» [24, р. X; ср. переводы фрагмента на русский язык: 8, с. 71; 9, с. 279]. Роман был закончен вчерне 23 октября 1930 г.¹ Рабочими названиями «Подвига» были «Воплощение»

¹ Эта дата стоит на последней странице рукописи романа, хранящейся в фонде Набокова-Сирин в библиотеке Конгресса США [см.: 19, с. 356; 569; ср.: 2, с. 416; 651].

и «Романтический век» [см.: 24, р. X; ср.: 8, с. 71; 9, с. 280]; окончательное название, по-видимому, утвердилось только по завершении работы над черновиком¹.

На протяжении всего 1931 г. роман печатался в журнале «Современные Записки»², один из редакторов которого, И. И. Фондаминский, навестил Набоковых в Берлине летом 1930 г. и купил роман «*na kornu*» [24, р. X] (ср.: 8, с. 71; 9, с. 279). Отрывки из романа печатались также в газетах «Последние Новости» (вып. от 14 января, 12 апреля, 6 сентября 1931 г. и от 7 января 1932 г.), «Россия и Славянство» (вып. от 17 января, 25 апреля и 30 октября 1931 г.) и «Сегодня» (вып. от 5 февраля 1931 г.).

Книга вышла отдельным изданием в 1932 г. в издательстве «Современные Записки» (тираж 1000 экз.) и была воспроизведена репринтным способом сорок два года спустя издательством «Ардис» (тираж 500 экз.; повторный тираж — 2000 экз.).

¹ Ср. также следующий пассаж из письма Набокова-Сирина к Г. П. Струве от 12 сентября 1930 г.: «А сейчас я пишу грандиозный по своим размерам и оптимизму роман, отличительная черта которого — то, что он без глав. Я уже написал около двухсот страниц этого безглавого романа. Он протекает в России, Греции, Швейцарии, Англии, Франции и Германии, не говоря уже о Тера Инкогнита, и его герой — дитя не капитана Гранта, а Эмми Грант (ничего не имею против каламбура, когда он хорош)» [1, с. 135; ср. примечание А. А. Долинина: «В окончательной редакции Набоков все же разделил роман на главы, но, видимо, сделал это в спешке, в последний момент, так как в нумерации глав пропущен номер XI» — 1, с. 136], и комментарий к нему, оставленный адресатом: «Те из вас, кто знаком с творчеством Н[абоко]ва, узнают по этому описанию роман “Подвиг”, который, как позже писал мне Н[абоко]в, должен был сначала называться “Воплощением”, а потом “Романтический век” (о втором из этих названий Н[абоко]в через месяц с лишним писал, что оно окончательное. Но потом передумал и заменил “Подвигом”» [1, с. 136].

Письмо, упоминаемое Струве в комментарии, сохранилось и опубликовано. 26 октября 1930 г. Набоков-Сирин сообщал: «Как я уже писал Т. С. Рахманиновой и как пишу сегодня Л. И. Львову, к сожалению, не могу дать романа «Таиру» (он, кстати, называется теперь не «Воплощение», а «Романтический век», и это заглавие — окончательное)» [1, с. 135].

² Главы I–IX — в кн. XLV, стр. 149–185; главы X–XXIII — в кн. XLVI, стр. 86–137; главы XXIV–XXXV — в кн. XLVII, стр. 86–134; главы XXXIV–L — в кн. XLVIII, стр. 78–131.

Английский перевод романа («Glory»), выполненный Д. В. Набоковым при участии автора, был издан на исходе 1971 г. в американском издательстве «McGraw-Hill»; в 1972 г. эта редакция также появилась в Великобритании в издании «Weidenfeld and Nicolson». В новой редакции «Подвига» основному тексту романа предшествовало предисловие автора¹.

*

Не секрет, что по выходе в свет «Подвиг» встретил прохладный прием. М. А. Осоргин (не понаслышке знакомый с нелегальным пересечением границы России) писал о нем:

Бывают ораторы Божьей милостью — их речь льется легко и свободно, слова звенят, образы сияют и искрятся, сравнения метки, доводы убедительны, — заслушаешься и влюбишься. А когда дома обдумываешь содержание их речи и ее развитие — удивляешься, как мог человек затратить свой талант, свое время и самого себя на такой пустяк! Без музыки их голоса, без жизни жестов и стремительности потока слов — смысл их речи и ее содержание оказываются рядовыми и не слишком занимательными.

Это сравнение не приложимо к В. Сирину, перу которого принадлежит «Защита Лужина», произведение большой внутренней глубины. Он же автор романа «Король-дама-валет», также очень содержательного. Но все-таки его новый роман «Подвиг», <...> написанный с блеском и убедительностью формы, несколько пугает своей внутренней неоправданностью.

Юноша, вынесенный вместе с матерью за рубеж эмигрантской волной, полуиностранец не только в силу обстоятельств, но и по рождению и воспитанию, живет в отличных материальных условиях, учится в Кембридже, затем слоняется неприкаянным между Англией, Швейцарией и Берлином, между намеками на большое чувство и дешевым удовлетворением любовного пыла, между наукой и спортом, жизнью в

¹ Обстоятельные сведения об основных публикациях «Подвига» / «Glory» представлены в библиографии: [21, р. 96–105].

холье и снобистскими попытками жизни в труде, — а затем, с недосказанной последовательностью и невыясненной целью, тайно переходит советскую границу и исчезает.

Может быть это — ужас жизненной пустоты, но возможно, что авантюристская жажда опасности, даже своеобразное самоубийство. Цели в этом «подвиге» нет, нет и достаточного мотива, даже личного. Есть только повторные намеки на эту предстоящую «далекую экспедицию» в страну, которая туманно представляется областью хаоса и диких зверей.

Таким образом мы должны догадываться, не означает ли это, что богатая и совсем особенная (что очень спорно) натура молодого человека, награжденного именем Мартына Эдельвейса, не выдерживает настоящего и предстоящего быта и ищет «жития»? Возможно, тем более, что быт подан нам автором с изумительным искусством. По благородству таланта, автор не снисходит до откровенных карикатур, — за то его портреты (Зиланов, дядя Генрих, писатель Бубнов, высокий заговорщик Грузинов) уничтожающи. Но тогда, может быть, в их изображении — как и в ряде иных картин — цель и смысл романа, если вообще мы вправе требовать от романа цель и смысл?¹ [11, с. 3]

Столь же сдержанны были и отклики на вторую редакцию — «Glogy». Лоуренс Л. Ли, например, отмечал:

The novel is aimed at the final action of Martin, his departure on his pointless and almost suicidal return into Russia, not to perform an act against the Soviet state but simply to act, to do something without real point. His is a gratuitous act that is quixotic, romantic, self-destructive, and not really self-creative.

However, the novel's plot is hardly a single action: it is much less organized than any of the other early novels by Nabokov because the intrusion of the author's own

¹ Еще более сдержанным тоном отмечена рецензия М. О. Цетлина (Амари) [14, с. 458–461] (называемого — ошибочно — не Михаилом, а Марком в следующих работах: [6, с. 715; 19, с. 24]).

life upsets the fictional pattern. It is, in short, probably the weakest of Nabokov's longer works; for it is directed, when it has direction only toward the ending. [22, p. 52]¹

Недоумению критиков вторили и иные историки литературы, находившие, что роман расходится с горизонтами читательских ожиданий, включающих — прежде всего — описание «главного действия» — перехода советской границы [см.: 3, с. 57; 4, с. 77; см. также: 20, р. 358; ср.: 2, с. 418]. Вопрос о том, что считать главным действием, а что неглавным обнаружил свою актуальность в 1999 г., когда автору этих строк посчастливилось перерабатывать свою первую курсовую в комментарий к роману «Подвиг» под началом А. А. Долинина.

*

В версию комментария, вошедшую в третий том юбилейного пятитомного «Собрания сочинений» [см.: 6, с. 714–742], необходимо внести ряд поправок и дополнений.

*Подвиг*². В комментарии 2000 г. эта статья включена в последний абзац преамбулы:

Заглавие русской редакции (пришедшее на смену двум рабочим заглавиям «Подвига» — «Воплощение» и «Романтический век») требует пояснений. Слово «подвиг», согласно Владимиру Далю, обладает двумя значениями: первое — «доблестный поступок, дело, или важное, славное деянье» и второе — «движенье, стремленье, <...> путь, путешествие, поезд-

¹ Перевод: ««Подвиг» сводится к описанию поступка Мартына в финале — к подготовке к его бессмысленному и почти самоубийственному возвращению в Россию (не для того, чтобы выступить против Советов, а лишь для того, чтобы *выступить* — сделать нечто бесцельное). Этот поступок — избыточный, романтический, дон-кихотский, саморазрушительный и совершенно не творческий.

Но сюжет романа при этом далек от единства: «Подвиг» структурирован многим хуже, чем остальные ранние набокковские романы (вторжение авторской жизни — расшатывает вымысел). В двух словах, это самое слабое из крупных произведений Набокова, т. к. оно направлено — когда в нем есть направление — только к концовке».

² Здесь и далее текст романа цитируется по изданию [10, III, с. 95–249].

ка». Многозначность слова, послужившего роману заглавием, задает в нем две основные темы: тему героического (включающую в себя мотив обретения смелости) и тему путешествия (с ее главной составляющей — мотивом «пути»). Без учета второго — забытого ныне — значения роман может показаться незавершенным, «обрывающимся у порога главного действия, заявленного в заглавии» <...>. Между тем незавершенность эта мнимая: главное в романе — это вовсе не переход границы (действительно остающийся за рамками повествования), а все то, что ему предшествует, — следование героя по жизненному пути. [6, с. 716]

Эта несколько тяжеловесная формулировка [восходящая к дебютной статье одного из соавторов комментария; ср.: 12, с. 122] нуждается в двух дополнениях — существенном и несущественном. Существенным дополнением было бы указание на то, что у Набокова-Сирина был экземпляр «Толкового словаря живого великорусского языка», который он купил на Market Square в Кембридже [см.: 23, р. 265; ср.: 10, V, с. 306], а по прошествии времени продал гарвардскому историку М. М. Карповичу (второй экземпляр словаря достался ему от тещи, Е. Л. Слонима) [см.: 25, р. 228]. По имеющимся сведениям, Набоков-Сирин штудировал «Словарь...» не только во время учебы в Кембриджском университете [см.: 23, р. 265; ср.: 10, V, с. 306; см. также: 20, р. 171, 176; 2, с. 204, 210], но и позже, работая над романом «Защита Лужина» и повестью «Соглядатай» [см.: 20, р. 289, 345; ср. 2, с. 304, 404], написание которых предшествовало началу работы над «Подвигом». Несущественным дополнением могла бы стать реконструкция реминисцентного фона заглавия, присутствовавшего в памяти исторического читателя. Кроме ассоциации с начальной строкой стихотворения А. А. Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...» (ср.: заглавие английской редакции романа, выбранное не по «сходству», а по «смежности»), этот фон, несомненно, включал в себя и романс П. И. Чайковского «Подвиг» («Двенадцать романсов», соч. 60, № 11) на слова А. С. Хомякова (ср.: текст стихотворения: «Подвиг есть и в сраженьи, / Подвиг есть и в борьбе; / Высший подвиг в терпении, / Любви и мольбе. // Если сердце заныло / Перед злобой

людской, / Иль насилье схватило / Тебя цепью стальной; / Если скорби земные / Жалом в душу впились, — / С верой бодрой и смелой / Ты за подвиг берись. / Есть у подвига крылья, / И взлетишь ты на них / Без труда, без усилья / Выше мраков земных, / Выше крыши темницы, / Выше злобы слепой, / Выше воплей и криков / Гордой черни людской» [13, с. 146]).

Посвящаю моей жене. К сказанному в преамбуле —

В 1971 г. вышел в свет английский перевод романа, выполненный Дмитрием Набоковым при участии автора. Роман получил название «Gloгу» (буквально — «Слава») и отсутствующее в оригинале посвящение «Вере». [6, с. 714]

— необходимо добавить, что фраза «Посвящаю моей жене» представляет собой авторскую конъектуру 1974 г., мотивированную, по всей видимости, обстоятельствами домашней семантики или домашней прагматики (о последней — см.: [26]; ср.: [15]).

Эдельвейс, дед Мартына... В варианте комментария, который был предан тиснению, эта статья читается буквально так:

Эдельвейс — белый альпийский цветок *Leontopodium alpinum* (от нем. edel — «благородный» и weiß — «белый»), который обычно символизирует храбрость, стойкость и чистоту. Имя героя — русская форма латинского Martinus (как и Martin в западноевропейских языках). Средневековая экзегетика возводила имя святого Мартина Турского одновременно к римскому богу войны Марсу (поскольку святой неустанно воевал с дьяволом) и к латинскому <sic!> martyr (мученик), поскольку он готов был принять мученическую смерть. «Святой Мартын Галльский, покровитель города Клянси» фигурирует в посвящении к повести Ромена Роллана (1866—1944) «Кола Брюньон» («Colas Breugnon», 1919), переведенной в 1922 г. Набоковым. <...> Именем Мартынка наречен герой русской сказки «Волшебное кольцо», в

которой обнаружены некоторые параллели к сюжету «Подвига». Следует указать и на двух персонажей русской прозы 1920-х гг., имеющих то же имя и соотносимых с героем «Подвига», — обреченного на гибель интеллигента-мученика Мартина Мартиновича из рассказа Е. А. Замятина (1884—1937) «Пещера» (1922) и алчущего подвигов «плохого коммуниста» из пролетарского романа В. М. Бахметева «Преступление Мартына» (1928). [6, с. 716–717]

К сожалению, из корректуры третьего тома выпала существенная поправка Долинина: «святой Мартын Галльский, покровитель города Клянси» фигурирует не только в посвящении, но и в самом тексте повести Роллана.

...во время пикника на Яйле. В комментарии — неточность (ср.: «Яйла — то же, что Крымские горы» [6, с. 721]). Было бы многим точнее подчеркнуть, что «яйла» — это плоское высокогорное пастбище.

Норд-Экспресс, обрусев Вержболове, сохранил коричневую облицовку, но стал по-новому степенным, широкобоким... В комментарии этот фрагмент объясняется так:

Вержболово — приграничная станция на Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороге. Так как рельсовая колея в России и Европе неодинакова (1520 и 1435 мм шириной), поездам на границе по сей день меняют поворотные тележки. [6, с. 722]

Объяснение это верно, но содержит анахронизм: в детстве Набокова-Сирина на границе встречались два поезда — заграничный и незаграничный — и поворотных тележек не меняли. Ср. в «Speak, Memory» —

The then great and glamorous Nord-Express (it was never the same after World War One when its elegant brown became a nouveau-riche blue) <...> connected St. Petersburg with Paris. I would have said: directly with Paris, had passengers not been obliged to change from one train to a superficially similar one at a Russo-German

frontier (Verzhbolovo-Eydtkuhnen), where the ample and lazy Russian sixty-and-a-half-inch gauge was replaced by the fifty-six-and-a-half-inch standard of Europe and coal succeeded birch logs. [23, p. 141]

— и в «Других берегах»:

Тогдашний величественный Норд-Экспресс (после Первой мировой войны он уже был не тот) <...> доставлял пассажиров из Петербурга в Париж; я сказал бы, прямо в Париж, если бы не нужно было — о, не пересаживаться, а быть переводимым — в совершенно такой же коричневый состав на русско-немецкой границе (Вержболово-Эйдкунен), где бокастую русскую колею заменял узкий европейский путь, а березовые дрова — уголь. [10, V, с. 234]

И она иногда говорила, что ее жизнь — только легкий дым папиросы «Режи», надушенной амброй. Речь идет о действительно существовавшей марке турецких папирос, выпускавшихся государственной табачной компанией Османской империи (La Société de la régie co-intéressée des tabacs de l'Empire Ottoman) до 1925 г. При наличии воображения, дым папиросы «Режи» можно расслышать в названии приграничного города Режица, дважды упоминаемого в заключительных главах романа.

«Звезда. Туман. Бархат, бар-хат», — отчетливо произносил он и все удивлялся, как непрочно смысл держится в слове. В комментарии этот фрагмент получает такую трактовку:

Образы звезды и тумана восходят к стихотворению «Выхожу один я на дорогу» Лермонтова (так или иначе присутствующему на фоне всякого размышления Мартына о путешествии). Сравнение ночного неба с бархатом восходит к русской загадке «Написана грамотка / по синему бархату» <...>, которая наделяет звезды свойством божественного текста на загадочном языке и тем самым обнаруживает некоторое сходство с лермонтовским образом «говорящих звезд». [6, с. 724–725]

В статье ««The Undercurrents of Suggestion»: К проблеме «Набоков и Мандельштам»», написанной мной в соавторстве с Ф. В. Дзядко [5, с. 140–144], сформулировано альтернативное прочтение этой фразы: прозрачная реминисценция стихотворения Лермонтова соседствует с возможной отсылкой к мандельштамовскому стихотворению «В Петербурге мы сойдемся снова...» (ср.: «В Петербурге мы сойдемся снова, / Словно солнце мы похоронили в нем, / И блаженное, бессмысленное слово / В первый раз произнесем. // В черном бархате советской ночи, / В бархате всемирной пустоты / Все поют блаженных жен родные очи, / Все цветут бессмертные цветы» [7, с. 153]). Перечитывая комментарий, я убеждаюсь в том, что позднейшая интерпретация подпадает под самое лезвие бритвы Оккама.

Кроме Дарвина и Муна, он пригласил русского студента, которого все называли просто по имени — Вадим... В комментарии говорится, что прототипом Вадима послужил Набокову-Сирину «его кембриджский однокашник великий князь Никита Романов» [6, с. 727]. Это правильно [см.: 24, р. XI со ссылкой на: 23, р. 272; ср.: 8, с. 72; 9, с. 281; во втором переводе — фактическая неточность] — за исключением единственного обстоятельства: князь Никита Александрович (1900–1974) был не великим князем, а князем императорской крови.

В одной из спален разбили что-то стеклянное, и сразу в ответ зазвонил в кабинете телефон, но никто не подошел. Комментарий не проиграл бы, если бы в нем говорилось, что в этой фразе скрывается недоброе знамение, предвещающее Мартыну гибель: и зеркало (если «что-то стеклянное» — это зеркало), и телефон — это крайне амбивалентные образы. К сожалению, в пору работы над комментарием к «Подвигу» этот пролепис был упущен обоими комментаторами.

Зоорландия. В комментарии 2000 г. вымышленный топоним объясняется так:

Зоорландия — характерный для Набокова полиязычный ребус. Совмещение русской приставки «за» и английского или французского «orle» (от *лат.*

ogula — «край, граница, рубеж, черта») и «ландии» может быть интерпретировано как «Зарубежье», «Запределье», страна по ту сторону границы, за краем. Приблизительно то же значение можно получить и при более правильном членении: «зоор» <sic!> (именно так произносится древнееврейское *zawr* — «быть иностранным, чужим, профанным, подлым») и «ландия» дают «Чужеземье» или «Подляндию». Разумеется, подобное прочтение не исключает дополнительных ассоциаций с «зоологией» (в Зоорландии явно победило зоологическое начало) и «орлом» (особенно если учесть, что в скандинавском мифе орел находится за верхней границей мира: то есть «за орлом» будет значить опять-таки «за пределами»). Кроме того, если вспомнить стихотворение Гумилева «Орел» (1909), экспедиция в Зоорландию — это будет путь «за орлом», то есть уход в смерть и одновременно в бессмертие, в «великолепную могилу». [6, с. 736–737]

К сказанному можно лишь добавить, что наиболее близкий фонетический прототип Зоорландии — это Saarland (по-русски — Саар). И в годы написания романа, и во время основного действия «Подвига», Саар был своеобразным антиподом Советской России: эта земля Германии находилась под управлением Лиги Наций. Saarland — «страна» не северная, а южная, или — еще точнее — юго-западная, но такова естественная локализация антипода страны, находящейся на севере или на северо-востоке (именно так в романе оказывается локализована Россия)¹.

Список литературы и источников

1. Белодубровский Е., Долинин А. Письма В. В. Набокова к Г. П. Струве: 1925—1931 / Публ. Е. Белодубровского и А. Долинина; вступ. заметка, комм. А. Долинина // Звезда. 2003. № 11. С. 115–150.

¹ Ср. альтернативное прочтение, возводящее «Зоорландию» к «Неистовому Роланду» («Orlando furioso») Ариоста в работах: [16, с. 57–62]; [17, с. 117–127]; [18, с. 62–66]; [27, р. 29–41]. С фонетической точки зрения, эта связь представляется более корректной, чем соотнесение «Зоорландии» со словом *nr*.

2. Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы. Биография. М.; СПб., 2001.
3. Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце: О русских романах Владимира Набокова. М., 1998.
4. Букс Н. Кросс-жанр: О романе Вл. Набокова *Подвиг* // *Cahiers de l'émigration russe*. 1999. № 5. P. 77–92.
5. Дзядко Ф., Утгоф Г. «The Undercurrents of Suggestion»: К проблеме «Набоков и Мандельштам» // *Русская филология: Сб. научных работ молодых филологов*. Тарту, 2002. Вып. 13. С. 140–144.
6. Долинин А., Утгоф Г. Примечания [к «Подвигу»] // Набоков (Сиринь) В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 714–742.
7. *Мандельштам О. Э.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1997 (Новая б-ка поэта).
8. *Набоков В.* Предисловие к английскому переводу романа «Подвиг» («Glogy») / Пер. с английского М. Э. Маликовой // В. В. Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 1997. С. 70–74.
9. *Набоков В.* Предисловие автора к американскому изданию / Пер. с английского Г. А. Барабтарло // Набоков В. *Подвиг*. СПб., 2009. С. 279–285.
10. *Набоков (Сиринь) В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 1999–2000.
11. Ос[оргин] М. *Подвиг* // *Последние Новости*. 1932. № 4236 (27 окт.). С. 3.
12. Утгоф Г. К проблеме интерпретации романа В. Набокова «Подвиг» // *Русская филология: Сб. научных работ молодых филологов*. Тарту, 1999. Вып. 10. С. 122–128.
13. *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы / Вступ. ст., подг. текста и прим. Б. Ф. Егорова. Л., 1969. (Библиотека поэта. Большая сер.).
14. *Цетлин М. В.* Сирин: Подвиг. Роман. Изд. «Совр. Записки». Париж, 1932 // *Современные Записки*. 1933. [Вып.] LI. С. 458–461.
15. *Шифф С.* Вера (Миссис Владимир Набоков). М., 2002.
16. *Шраер М. Д.* О концовке набоковского «Подвига» // *Литературное обозрение*. 1999. № 2. С. 57–62.
17. *Шраер М. Д.* Владимир Набоков: Темы и вариации. СПб., 2000.

18. *Шраер М. Д.* О концовке набоковского «Подвига» // Старое литературное обозрение. 2001. № 1. С. 62–66.
19. *Шраер М. Д.* Бунин и Набоков: История соперничества. 2-е изд. М., 2015.
20. *Boyd B.* Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton, 1990.
21. *Juliar M.* Vladimir Nabokov: A Descriptive Bibliography. New York; London, 1986.
22. *Lee L. L.* Vladimir Nabokov. Boston, 1976.
23. *Nabokov V.* Speak Memory: An Autobiography Revisited. New York, 1966.
24. *Nabokov V.* Glory. New York; Toronto, 1971.
25. *Parker S. J.* Library // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by Vladimir E. Alexandrov. New York; London, 1995. P. 238–290.
26. *Schiff S.* Véra (Mrs Vladimir Nabokov). London, 1999.
27. *Shrayer M. D.* The Perfect Glory of Nabokov's Exposit // Russian Studies in Literature. 2000. Vol. 35. № 4. P. 29–41.